

Дубровская Е.Ю.

*Карельский научный центр РАН
185910, Россия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
ldubrovskaya@inbox.ru*

Российские военнослужащие в Финляндии: общественные настроения и трансформация христианских ценностей в годы Первой мировой войны

Аннотация. В годы Первой мировой войны вслед за изменениями в культурной и религиозной жизни значительные перемены претерпела духовная жизнь военнослужащих. Отмечено, что обстановка в гарнизонах автономного Великого княжества Финляндского и на военно-морских базах Балтийского флота не составляла исключения в этом отношении. О состоянии духа российских войск,

расквартированных в регионе, позволяют судить опубликованные источники и ранее не вводившиеся в научный оборот документы российских и финляндских архивов. На основе материалов коллекции «Русские военные бумаги» из Национального архива Финляндии, прежде всего, писем матросов, солдат и офицеров в редакции социалистических газет, выходявших в 1917 году, впервые проанализированы трансформации христианских ценностей, которые провоцировали состояние социального напряжения в армии и на флоте и вместе с тем укрепляли старые психологические стереотипы. Исследованы перемены в мировоззрении рядовых как высшей степени организации социального поля, проявляющегося в форме религии и политической идеологии. Их общественные настроения в период российской революции 1917 года и особенности изменения религиозности военных в кризисную эпоху рассмотрены в контексте трансформации политической системы как следствия системного кризиса в Российском государстве. На локальном материале российских войск в Финляндии показано, как менялась степень религиозности нижних чинов после Февральской революции и как шло их дальнейшее «расцерковление», о чём есть свидетельства военного духовенства. Письма дают возможность проследить, как антиклерикальные настроения военнослужащих сказались на их взаимоотношениях со священнослужителями и представителями традиционного общества во время поездок отпускников на родину.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Финляндия, российские войска, Первая мировая война, революция 1917 г., общественные настроения, письма военнослужащих

Elena Yu. Dubrovskaya

*Karelian Research Center RAS
11 Pushkinskaya St., Petrozavodsk, 185910, Russia
ldubrovskaya@inbox.ru*

Russian Servicemen in Finland: Popular Moods and the Transformation of Christian Values during the First World War

Abstract. During the First World War, due to changes in cultural and religious life, the spiritual lives of military personnel underwent significant changes as well. This was not an exception for situations in the garrisons of the Autonomous Grand Duchy of Finland and naval bases of the Baltic Fleet. The mental state of Russian troops stationed in these regions can be judged based on published sources and documents from the Russian and Finnish archives, which had not previously been introduced into scientific circles. Based on the materials from the collection “Russian Military Papers” from the National Archives of Finland, specifically letters from sailors, soldiers, and officers published in socialist newspapers in 1917, the transformations in Christian values were analyzed for the first time, causing a state of social unrest in the army and navy while also strengthening old psychological stereotypes. Changes in the worldviews of the rank-and-file, as the highest level of organization of the social system, manifested themselves in the form of religion and political ideologies, have been investigated. Their popular attitudes during the Russian Revolution of 1917, and the peculiarities of changing religiosity among servicemen during the crisis era, are considered in relation to the transformation of the political system due to the systemic crisis of the Russian state. Local material from the Russian troops stationed in Finland demonstrates how the degree of religiousness among the lower ranks changed following the February Revolution, and how they further were “de-churching”, as indications of

military clergymen show. The letters allow us to trace how anti-clerical attitudes among servicemen affected their relationships with clergy members and representatives of traditional society on vacation trips to their home country.

Key words: Russian Orthodox Church, Finland, Russian troops, World War I, revolution of 1917, popular moods, letters of servicemen

Введение

Вплоть до начала 1990-х гг. история российских войск, дислоцированных в автономном Великом княжестве Финляндском в годы Первой мировой войны, рассматривалась в рамках общих канонов советской исторической науки, которые были сфокусированы в основном на вопросах революционного движения в вооружённых силах России. [Гаврилов, 1983; Киуру, 1965; Петраш, 1966; Хесин, 1971]. Современные исследователи, занимающиеся проблемой трансформации народного традиционного сознания под воздействием общественных перемен 1917 г., отмечают, что на конференциях и в недавних публикациях, посвящённых столетию Русской революции, вопросам религии, степени религиозности населения страны и «расцерковления» прихожан по-прежнему уделялось недостаточное внимание [Орловски, 2020, 256].

Сохраняют научную актуальность различные аспекты проблемы «Революционная культура и религия» [Кашеваров, 2005; Рогозный, 2008; Фирсов, 2002]. В русле этой темы интересно проследить на локальном материале российских войск в Финляндии, что происходило с религиозностью солдат и матросов, прежде всего, служивших в финляндской столице Гельсингфорсе (Хельсинки) – наиболее радикализованной военно-морской базе на Балтике, во время революции 1917 года. Источники по истории российской армии и флота в Финляндии на заключительном этапе финляндской автономии свидетельствуют о том, что в годы Первой мировой войны определённые трансформации претерпела духовная жизнь военнослужащих, реагируя на значительные изменения в культурной и религиозной жизни общества. В первую очередь и в наибольшей мере эти процессы коснулись рядовых солдат и матросов как самых массовых участников военных действий, повлияв на различные стороны восприятия ими окружающего мира [Гребенкин, 2010, 180].

Задача нашего исследования – рассмотреть прежде не изучавшиеся антиклерикальные настроения и примеры брутализации их поведения в контексте всеобщего отрицания прежних норм и ценностей, а также показать, как активисты демократических организаций в финляндских войсках в своей агитационной и пропагандистской деятельности использовали религиозные символы ради сакрализации новых ценностей.

Об этом можно судить на основании документов из фондов российских и финляндских архивов, в частности, материалов военной цензуры о состоянии духа войск, расквартированных в регионе. Они хранятся в обширной коллекции «Русские военные бумаги» Национального архива Финляндии. Уникальным источником являются письма солдат, матросов и офицеров нижнего звена, особенно тех, кто весной – летом 1917 г. были избраны в русские Советы и комитеты разного уровня, действовавшие в финляндской столице Гельсингфорсе (Хельсинки) и в других армейских и морских гарнизонах Финляндии. Большинство писем в редакцию «Известий Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих» остались неопубликованными и обнаружены в коллекции «Русские военные бумаги»¹ и в фондах Российского Государственного архива Военно-морского флота в Санкт-Петербурге (РГА ВМФ).

В работе использованы традиционные методы исторического исследования общественно-политических процессов, философско-исторической концепции герменевтики (теории истолкования текста источников, метода «вживания в текст») и дискурсивный анализ наряду с семиотическим методом междисциплинарного исторического исследования.

История русских войск, размещённых в Финляндии в заключительный период её пребывания в составе Российского государства, ведёт отчёт событий почти от

начала XIX века. В результате русско-шведской войны 1808–1809 гг. Финляндия была отвоевана у Швеции и присоединена к Российской империи, получив во многом уникальный статус автономного Великого княжества. Более чем вековое вхождение Финляндии в состав Российской империи обеспечивало значительное усиление геополитического положения империи и снижало уязвимость российской столицы с северо-запада [Luntinen, 1997]. Российские военные и гражданское население, прибывавшие в финляндское княжество, привезли с собой православное вероисповедание и русские обычаи, но отнюдь не стремились к нарочитой обособленности и противопоставлению себя жителям Финляндии, принадлежавшим к лютеранской конфессии.

В рассматриваемый период настоятелем православного Успенского собора в Гельсингфорсе был протоиерей Александр Александрович Хотовицкий (1872–1937). Его назначение состоялось 1 августа 1914 г. и совпало с началом Первой мировой войны. Вскоре по прибытии в Финляндию Хотовицкий приступил к изданию «Гельсингфорского приходского листка». За время своего служения в Великом княжестве он успел издать 20 номеров журнала², последний увидел свет в апреле 1917 г. [Погребов, 2011, 96–99]. Среди актуальных вопросов того времени, обсуждавшихся на страницах издания, обращает на себя внимание высоко оценённая его редактором работа финляндских лазаретов, обслуживавших русскую армию [Дубровская, 2008, 55–56].

В эти годы у подножия Успенского собора можно было видеть «часовню мира», установленную в честь заключения мирного договора в г. Фридрихсгам (Хамина) в 1809 г., по которому Швеция уступила России Финляндию. Однако этот символ прежней имперской власти нельзя обнаружить на карте современного Хельсинки. После окончания гражданской войны зимой – весны 1918 года часовня была разрушена: по-видимому, этот памятник больше других ассоциировался у победителей с русской властью, которая ушла в прошлое, но ещё раз была подвергнута уничтожению, теперь уже ритуальному стиранию. Сходная судьба постигла и освящённый в 1854 г. православный собор в честь и память св. благоверного Александра Невского в Свеаборгской крепости, прикрывавшей финляндскую столицу с моря. Собор вмещал до тысячи человек, имел электрическое освещение. С обретением финляндской независимости он был перестроен сначала в маяк, а затем в лютеранскую церковь.

Российские войска, стоявшие в Великом княжестве с начала XIX в., столетие спустя оказали заметное влияние на ход революционных событий 1917 года и гражданской войны между «белой» и «красной» Финляндией. К её началу, не трогаясь из мест расположения своих частей на северо-западной границе бывшей Российской империи, военнослужащие неожиданно оказались на территории независимого соседнего государства.

Перемены 1917 года в культурной и религиозной жизни российских военных

Российская революция 1917 г., породившая надежды на решительную демократизацию общества, вызвала прилив симпатий финляндцев к России. Население княжества надеялось на восстановление автономных прав Финляндии и её основных законов, ослабление тягот военного времени. Однако отличительной чертой первого – Февральского – периода революции стали кровопролитные стычки на военно-морских базах на Балтике, повлёкшие за собой гибель десятков офицеров Балтийского флота, и, прежде всего, в Гельсингфорсе [Казанцев, 2016, 66–114; Назаренко, 2017, 180–183].

Нельзя не согласиться с О.С. Поршневой в том, что на психологию участников Первой мировой войны воздействовали масштабы жертв, невиданные по меркам предыдущих эпох, и изощрённая жестокость, проявившаяся во время мирового конфликта. Как отметила исследовательница, «причащение» к насилию многомиллионной массы мобилизованных под ружьё и притупление восприятия смерти «привели к ожесточению огромной массы людей, выработке у них милитаризованного сознания, склонности к силовым действиям, девальвации ценности человеческой жизни» [Поршнева, 2007, 364].

Расправы, попадающие в разряд «массового иступления и уголовного куража», во многом были спровоцированы чудовищной отчуждённостью офицеров

от нижних чинов армии и флота. Представляется, что подметивший это московский историк В.П. Булдаков наиболее близко подошёл к объяснению солдатского и матросского насилия как особенно рельефно выраженного проявления социальной патологии революционной эпохи [Булдаков, 1997, 121–122]. Невиданная по жестокости и ошеломившая жителей Финляндии расправа над русскими офицерами армии и флота породила слухи о сотнях жертв бессмысленных и никем не санкционированных убийств 4–5 марта. Как вспоминал служивший на эсминце «Гайдамак» А.П. Белобров, тогда молодой офицер, «после этой ночи на всю мою жизнь наступило 4 марта 1917 года» [РГА ВМФ. Ф. Р-2226. Оп. 2. Д. 199. Л. 328].

По наблюдению А.Б. Асташова, известного специалиста в вопросах изучения военного опыта Первой мировой войны и, в частности, её религиозно-морального обеспечения, именно православная церковь во время войны взяла на себя миссию духовной мобилизации армии. Весной – осенью 1917 г. в условиях продолжавшихся военных действий духовенство оставалось одним из немногих инструментов, с помощью которых Временное правительство должно было решать идеологическую задачу мобилизации общества [Асташов, 2014, 580–581].

20 марта по приказу Начальника 106-ой пехотной дивизии генерал-лейтенанта Станкевича в г. Таммерфорс (Тампере) собрался съезд духовенства дивизии, который обсудил «создавшееся общественно-политическое положение в России», значительно повлиявшее на пастырскую деятельность духовенства. Признавая необходимым сосредоточить «идейное руководство духовенством дивизии» в лице священника опытного, «стоящего на уровне запросов переживаемого исторического момента», участники съезда единогласно избрали на должность благочинного 106-ой дивизии священника 424-го Чудского пехотного полка о. Льва Теодоровича. Как значится в послужном списке, до войны его пастырское служение было отмечено набедренником, скуфьёй и камилавкой – наградами, соответственными духовному званию, а в 1916 г. приказом по войскам 6-й армии – орденом св. Анны 3 степени.

Примечательно, что его избрание на должность в духе политических перемен 1917 года состоялось уже после того, как в 1916 г. Л.М. Теодорович получил это назначение по распоряжению Главного священника армий Северного фронта Иоанна Покровского, а в январе 1917 г. был утверждён приказом по дивизии [КА. 342:1 File 2073].

Весной 1917 г. писатель Л. Андреев назвал происходившее в стране «воскресением России из лица мёртвых народов» [Хеллман, 1987/1988, 4]. Переданное им восприятие послефевральских дней широкими слоями населения как «воскрешения» – возрождения страны – в революционной обстановке играло особую роль, не исключая, а, скорее, предполагая, участие духовенства в обновлённой жизни вчерашних подданных Российской империи. Как писал протоиерей А. Хотовицкий в пасхальном номере редактировавшегося им журнала, «Русь переживает в эти дни небывалое, великое. Все мы живём повышенной жизнью. Чудо обновления России, одухотворённое свободой, охватило нас. Повседневное, обычное отошло на задний план...» [Гельсингфорсский приходской листок, 1917, 5–6]. «С праздником Свободы и с красным революционным яйцом» поздравил сограждан накануне праздника Пасхи солдат А. Крутов от исполкома Совета депутатов Або-Оландской укрепленной позиции, возникшего в г. Або (Турку) [Известия, 1917]. «Послали ли вы пасхальное яичко к Светлому Празднику в окопы, на передовые позиции?» – напоминал своим читателям и прихожанам о. Александр Хотовицкий. И русское население финляндской столицы откликнулось на этот призыв с тем же энтузиазмом, что и в начале войны в Рождественские, а затем и Пасхальные праздники 1915 г.

Примечательны образы свободы и единения граждан России в письме-обращении матроса Чугунова «к гражданам-воинам». В нём нашло отражение характерное для первых революционных месяцев представление рядовых о врагах Отечества во главе с бывшим российским монархом. Образы врагов часто наделялись зооморфными и инфернальными признаками: «У нас нет больше вампиров, сосущих наш пот и кровь. И с той высоты, где месяц назад сидел один из страшнейших и кровожаднейших вампиров, объявлено братство, равенство всех народностей, населяющих наше отечество. Теперь нет больше среди нас кровожадных леопардов: мы

все без различия общественного положения и вместе пасёмся в нашем отечестве, и пасёт нас малое дитя. Это наша юная, но сильная духом долгожданная, драгоценная свобода» [КА. 342: 6 File 11970].

В изобразительной символике Русской революции свобода выступала в виде прекрасной женщины в античном одеянии. А в представлении автора процитированного обращения, которое было озаглавлено «Великий социалист» и посвящалось изложению основ учения Христа, свобода предстаёт в общехристианском образе пастыря, зорко оберегающего, несмотря на свой младенческий возраст, вверенное его заботам беззащитное стадо.

Обращение «товарищ», прежде употреблявшееся революционным подпольем, весной – летом 1917 г. стало узнаваемой приметой языка победителей. Многие из них были носителями антиклерикальных воззрений, однако зачастую продолжали оставаться в поле воздействия глубокой религиозной традиции, даже не осознавая этого [Колоницкий, 2017, 61]. «Товарищи, на что нам братоубийство, на что нам завоевания и победы? – восклицал автор письма, адресованного в редакцию большевистской газеты, – Миллионы нас собраны и миллионы уже погибли и калек, а все за что? – да за ихние красноречия или дерись за ихние капиталы, что они, проклятые буржуи, назывкивают нас друг на друга, как собак, и заставляют лить дорогую православную кровь...» [Ильин-Женевский, 1933, 123–124].

Рядовые всё чаще стали замечать противоречия между церковной военно-патриотической риторикой и христианской этикой, в их сознании шёл «процесс изменения ценностных установок по отношению к нравственным нормам, запретам и ограничениям мирного времени, религиозным заповедям, создавались предпосылки для оправдания насилия в больших масштабах» [Поршнева, 2007, 365]. Недовольство политикой Временного правительства начало возникать у матросов и солдат финляндских войск уже в марте 1917 г. Одним из вопросов, обостривших их отношения с правительством, стал вопрос о присяге [Казанцев, 2016, 121–122]. Её текст 7 марта был утверждён Временным правительством без согласования с исполнительным комитетом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Однако в условиях складывавшейся системы двоевластия многие финляндские гарнизоны во главе с гарнизоном Гельсингфорса и части войск, дислоцированных в княжестве, совсем отказались принимать присягу.

В редакционном портфеле гельсингфорских «Известий» хранится воззвание офицеров и команды заградителя «Мста» «к гражданам матросам и солдатам», отчасти проливающее свет на причины сложившейся ситуации. «Не успели мы сбросить с себя иго самодержавия с его отжившими гнусными посягательствами на всё святое нашей души», которое «в корне подрывало религиозные убеждения» и «отделяло нас стеной от наших братьев крестьян и рабочих», как вновь «перед нами ставят отжившую и ушедшую в область предания присягу», – писали моряки-балтийцы. Предлагаемую Временным правительством присягу они расценивали как проявление недоверия собственным вооружённым силам: «скажите всем как граждане Великой Свободной России, что мы любим нашу Свободу и Государство, которых защищали и будем защищать без всякой присяги», и обещали поддерживать Временное правительство «постольку-поскольку оно будет защищать и наши интересы». Но «пусть не торгуют нашими чувствами» – требовали они, ведь «мы теперь получили возможность исполнять истинное учение Христа, а присяга – это акт, противоречащий этому учению, и клясться перед Богом – это низко и гадко для свободного гражданина и недопустимо для нашей Свободной Родины». Авторы возвания призывали моряков и армейцев, отказавшись от принятия присяги, «не возвращаться на обломки старого» и «не осквернять память павших борцов за свободу» [КА. 342: 6 File 11970].

Приведение финляндских войск к присяге затянулось на несколько дней и потребовало выезда в отдалённые гарнизоны авторитетных в глазах военнотружущих представителей солдатских комитетов и православных священников из финляндской столицы. Предположительно, первыми в пограничном гарнизоне г. Торнео 11 марта приняли присягу на верность Временному правительству 14 депутатов созданного здесь комитета солдатских депутатов. Присягу проводил протоиерей Кре-

стовоздвиженской церкви при бывшем доме генерал-губернатора в Гельсингфорсе Д.В. Троицкий [КА. 342: 6. File 2875. Fol. 2]. На следующий день в Торнео спешно отправились четверо делегатов от Выборгского гарнизонного комитета, потребовав телеграммой, чтобы пограничники до их приезда соблюдали полный порядок [КА. 342: 6. File 2875. Fol. 11].

В.Б. Аксенов, изучив феномен «окопной религиозности», сформировавшийся на фронте, отмечает, что «перед лицом смерти даже не веривший в Бога человек проникался мистическими настроениями, искал потаённый смысл в знамениях и проч.», однако это далеко не всегда сближало солдат с полковыми священниками [Аксенов, 2019, 281]. Как показали исследователи сложившихся к 1917 году образов «внутреннего врага», тенденция неприятия нижними чинами «своих», ставших «чужими», прослеживается и в новых практиках взаимоотношений прихожан с духовенством. После Февраля по стране прокатилась волна насилия над священниками, а высмеивание попа-контрреволюционера было распространённой темой журнальной сатиры [Аксенов, 2019, 274].

В армейской и флотской среде помимо «буржуев», офицеров и чиновников старой администрации к потенциальным «врагам революции» также причислялись и представители духовенства. Так, депутат Свеаборгского крепостного артиллерийского полка Смирнов в июле 1917 г. сообщил в редакцию «Известий Гельсингфорского Совета» об услышанном им на улице высказывании некой русской женщины: «Для чего-то устроили противные солдатские советы, чтобы ещё хуже позорить честных людей». На вопрос депутата, где она служит, был получен ответ: «В Гельсингфорсе у священника». Показательно заключение автора письма: «Да, действительно, «хорошие люди» подтвердились... Прежде чем возиться с этими подкупленными прислугами, нам нужно подготовить все жизненное основание, дабы впредь не разводить хаос, как это было при Николае» [РГА ВМФ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 21. Л. 78]. Широкое морализирующее обобщение, немедленно сделанное на основании единственного упоминания о священнике, весьма характерно для умонастроений представителей «революционной демократии» в финляндских войсках.

Негативное отношение к духовенству прослеживается у армейских и флотских активистов, служивших в бывшей великокняжеской столице. Письма в редакцию гельсингфорских «Известий» часто повествуют об их поездках на родину во время отпусков с агитационными целями, в период посевной и т.п. Матрос Ф.И. Селезнев с линкора «Гангут», вернувшись из родной деревни Котельничского уезда Вятской губ. в августе 1917 г., с возмущением сообщил, что «там весь строй старого режима» и «господствуют попы, земский начальник, приставы-урядники». Автор письма, заверенного печатью Военного совета крестьянских депутатов линейного корабля и подписями председателя и секретаря, констатировал, что волостных и сельских комитетов в его родных краях «не существует». «Хотя и были выборы в комитеты, то мужики всецело согласились на попов», а когда «прошли эти личности в члены комитета», то стали ссылаться на свою неподготовленность: «что же мы, тёмные люди, будем обсуждать такие важные вопросы, пушай разбираются наши отцы духовные, они люди учёные, к этому делу способные». По словам Селезнева, «мужики всецело доверяют этим ленивцам труда», «матросов там ненавидят и говорят, что вы продали Родину и перебили всех людей в Петрограде и в Кронштадте, а нам проповедовать нечего, мы сами знаем, что, а что не знаем, нам Батюшка скажет. Это все там внушают попы» [КА. 342: 6. File 11970].

Кочегар с линейного корабля «Полтава» И.А. Зайцев в конце ноября просил редактора «Известий» до конца года высылать газету на адрес волостного комитета во Владимирскую губ., сославшись на неосведомлённость земляков об обстановке в стране: поскольку в комитете «занимает место председателя долговолосый чёрт, бывшие наши кровопийцы и приспешники Николая Кровавого», то «в настоящее время ничего здесь крестьянам не известно» [КА. 342: 6. File 11970].

Обратился к товарищам-гражданам с призывом «дать в деревни свет и образование» и рулевой сторожевого судна «Китобой» А. Кондачков, съездивший на побывку в село Любино Славгородского уезда Томской губ. По его утверждению, на запрос Духовной консистории вынести решение сельского собрания об открытии

здесь начальной школы, «поп просит, чтобы записались на одноклассную церковно-приходскую школу», а не двух-трёх – классную, поскольку «это развращает народ». «Так, товарищи, – заключил автор «Воззвания», – *извищенники* [священники. – Е. Д.] пропагандируют в деревнях, пугают наших граждан, забивают им головы, боятся, чтобы граждане не *прощещались*, потому что им с тёмным народом лучше и вольготней жить» [КА. 342: 6. File 11970].

Уроженец Новгородской губ. рассказал, что во время поездки в родную деревню не смог получить норму муки и сахара, положенную ему как отпускнуку. «У нас есть общехозяйственная лавка, и распоряжается поп того же села», однако «сколько они выдавали на человека, я этого не мог узнать ни у одного крестьянина, что поп там выдавал, кто пошёл с ним заодно». В заметке, озаглавленной «Впечатления из Новгородской губернии», не без сарказма описана его встреча со священником: «Когда я пришёл в село и узнал кое-у-кого, что мука и сахар есть в лавке, я пошёл к нему лично на дом. Когда я спросил этого косматого хама, почему это так всё не по закону ведётся всё дело, и как он на меня затоптал своими хамскими лапами. И вот я сначала подумал, что вот где старый *Прижим*. Ну, я всё-таки не испугался этого варвара и стал с ним разговаривать...» [КА. 342: 6. File 11970].

Подобные примеры подтверждают отмеченную В.П. Булдаковым дискуссионность вопроса о том, в какой степени на поведении солдат сказывалась антирелигиозная пропаганда, а в какой – всеобщее огрубление нравов во время войны и тотальное «проседание» культуры [Булдаков, 2020, 261]. А.Б. Асташов, тщательно проанализировав материалы цензуры, подчёркивает недоказанность часто встречающихся в исследовательской литературе утверждений о широко распространённых накануне Февральской революции антимоноархических настроениях солдат-крестьян [Асташов, 2014, 649–650].

Выявленные им «прямые антицаристские, антиромановские настроения» обнаруживают себя лишь после Февральской революции, проявившись в полной мере накануне Октябрьского восстания. Подтверждением тому рассказ одного из матросов, который приехал в отпуск в с. Лубяницы Нижегородской губ. в октябре 1917 г. и «пошёл в церковь, т.к. был праздник». Здесь выяснилось, что «поп читает «во здравие» императора». Матрос заявил, что «так молиться не надо», ведь «мы свергнули его, а вы опять молитесь», но получил в свой адрес «со всех сторон проклятья» и угрозы «арестовать, связать». О том, что смог избежать расправы односельчан только благодаря вмешательству присутствовавшего здесь же солдата, он написал в гельсингфорские «Известия» и предупредил, что в деревне «настроение тревожное», «организации совершенно нет», а на выборах в Учредительное собрание земляки собираются голосовать за партию кадетов [КА. 342: 6. File 11970].

«Проискам» духовенства приписывалось и распространение популярных в войсках «заговорных писем», которые вследствие отторжения официальной религиозности в действительности служили для заполнения образовавшихся лагун религиозного сознания и становились «альтернативными формами культа, близкими к сектантству» [Аксенов, 2019, 288]. Об одном из подобных писем, полученном в ноябре 1917 г. из Гродненской вол. Минской губ., сообщил в газету матрос-подводник И. И. Кийко, служивший в г. Ганге (Ханко).

«Заговорное письмо», найденное «в Печерской лавре за иконой Божией Матери» и написанное «золотыми буквами самим Христом», содержало изложение Десяти заповедей. Оно обещало прощение грехов тем, «кто будет носить это письмо другому, будет давать переписывать, читать», а кто «будет иметь это письмо на войне, то неприятель не повредит», «кто будет иметь это письмо при себе носить, тот везде будет счастлив и получит Царствие Божие». Отказывавшимся верить «письму» грозило проклятие [КА. 342: 6 File 11970].

«Вот как они писали и за кого нас считали, – возмущался матрос, – и заставляли нас верить ихним лживым словам и воодушевляли нас тем именем, который проповедовал любовь между всеми братьями всего мира. А отцы наши духовные нам проповедают, чтобы с этими словами шли на убой и убивать своих братьев от имени Иисуса Христа... Ох! Пастыри наши духовные, где ваша правда и когда правду вы скажете нам. А то все пишете нам ложь и ложь» [КА. 342: 6 File 11970].

О происходившей весной – осенью 1917 г. трансформации прежде значимых для рядовых солдат и матросов духовных ценностей красноречиво говорит обнаруженный в коллекции «Русские военные бумаги» черновик отчёта «О состоянии собора во имя св. благоверного Александра Невского» в Сеаборгской крепости и «О религиозно-просветительном состоянии военных чинов и духовенства в 1917 г.» [КА. 342: 6. File 11970].

В отчёте, подготовленном в конце 1917 года, по-видимому, настоятелем собора, сообщалось, что иконостас в соборе «благородный», «иконы в нём, по преимуществу, святых русской крови», «стены покрыты масляной краской, чистые». Чёрные же пятна, которые были видны на колоннах и по потолку – это «следы от влетевших в собор и разорвавшихся снарядов» во время обстрела крепости в 1855 г. с английских и французских кораблей в период Крымской войны.

По словам автора документа, «в отчётном году в соборе всё обстояло благополучно»: «св. антиминс прочный и чистый, св. миро хранилось на св. престоле», ризница, церковная утварь и богослужебные книги имелись в необходимом количестве, копии метрических книг, книг брачного обыска и приходно-расходные хранились в целостности. Однако, перейдя к разделу «Паства», составитель отчёта заключил, что об этом «тяжело и писать». Если «до начала революции во время богослужений собор всегда был переполнен молящимися солдатами, а с начала поста многие говели и причащались Св. Тайн», то с четвёртой недели Великого поста, совпавшей с началом Февральских событий, «говели лишь единичные личности, богослужение стало проходить почти в пустом соборе». Лишь в первый день Пасхи «храм был переполнен молящимися нижними чинами», а до конца года молящихся в соборе было очень немного, «их количество незначительно увеличивалось лишь в двенадцатые праздники» [КА. 342: 6. File 11970].

«Но я глубоко убеждён, – пишет автор отчёта, – что воинские чины не потому перестали посещать богослужение, что с марта месяца вдруг стали неверующими, а из чувства малодушия, во избежание насмешек от “мало смыслящих”». «Пронесётся ураган, станет потише, улягутся страсти, и солдат опять пойдёт в храм умолять распятого Христа простить ему все возможные и невозможные прегрешения», – надеялся священник [КА. 342: 6 File 11970].

По его словам, «после государственного переворота вести беседы с воинскими чинами было невозможно»: их увлекали митинги и вопросы повседневной флотской и армейской жизни. Наряду с митинговой стихией войска охватило и стремление к образованию: в ротях, при матросских и солдатских клубах как грибы после дождя появлялись курсы и школы элементарной грамотности, проведение занятий в которых – с переменным успехом – возлагалось теперь на офицеров и активистов всевозможных комитетов. Попробовали обучать солдат грамоте и священники храма Александра Невского. «Записались в нашу школу 89 чел., начали заниматься 11», окончили курсы грамоты всего трое. «Пришлось закрыть и школу, – с сожалением писал составитель отчёта, завершив его характерным замечанием: «нет, ещё глубоко несознательны наш народ» [КА. 342: 6 File 11970].

Заключительный раздел документа посвящён «состоянию духовенства», которое, по словам участника и очевидца событий, «выполняя долг, служит Церкви и Родине по чистой совести», «не растерялось и сохранило мужество в тяжкие моменты революции, и Бог сохранил нас доселе». Автор заявил о решимости священников крепостного Храма продолжать своё служение, невзирая на тяготы переломного времени: «Благоприятным отношением военных чинов к своим пастырям теперь никто из духовенства похвалиться не может. Предоставляем всё устроить воле Божией, и сами будем впредь работать, не покладая рук» [КА. 342: 6 File 11970].

Выводы

Приведённый отчёт «О религиозно-просветительном состоянии военных чинов и духовенства» и письма моряков и армейцев в редакцию гельсингфорских «Известий» свидетельствуют о кризисе религиозного сознания рядовых военнослужащих, особенно заметном в заключительный период Первой мировой войны. Во время Февральской революции очевидны перемены в поведении прихожан в солдатских шинелях и матросских форменках как в пространстве Храма, так и за его

пределами. Эйфория первых дней революции стала доминирующим общественным настроением, не обошедшим рядовых и тех офицеров, кто приветствовал радикальные перемены в жизни страны. Из казарм и опустевшей церковной ограды оно выплеснулась на улицы гарнизонных городов Финляндии многолюдными демонстрациями военных, почувствовавших себя свободными гражданами.

Однако в период политического и духовного кризиса моряки и армейцы – пусть даже немногие – искали утешения в религии, что находит подтверждение в отказе от присяги на верность Временному правительству. Прежде в исследовательской литературе утверждалось, что единственной причиной отказа стало возмущение нижних чинов из-за нежелания правительства согласовать текст присяги с ведущим Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Рассмотренные письма военнослужащих показывают и религиозную мотивацию этой формы протеста.

В ходе дальнейшего развития революционных событий, когда вслед за политическими и социальными изменениями происходили и культурные трансформации, знакомые всем религиозные символы использовались в агитационной и пропагандистской деятельности активистов войсковых революционно-демократических организаций.

Одной из форм социального протеста стало негативное отношение российских военных к представителям духовенства, это проявлялось в многочисленных упоминаниях о повсеместно вспыхивавших конфликтах с местными священниками во время поездок солдат и матросов на родину. В их письмах служители культа предстают как олицетворение старого, отжившего мира и ушедших в прошлое порядков, в частности, это проявляется в организации школьного обучения. Опыт прочтения таких «эго-документов» подводит к пониманию, почему образ священника в дальнейшем оказался среди центральных «образов врагов» в советской пропаганде, когда вопрос образования стал основной ценностью трансформирующего большевистского проекта.

Сразу же после Февральской революции солдаты и матросы, даже находясь в иноэтничном и иноконфессиональном окружении, стали воспринимать Православную церковь как часть уже ликвидированного в Петрограде царского режима, что и определило вектор взаимоотношений с ней в дискурсе постфевральской культурной трансформации. Несомненно, христианские ценности и, прежде всего, следование заповеди «Не убий!» подверглись девальвации в мировосприятии вчерашних крестьян и рабочих, призванных под ружьё, задолго до Февральских событий 1917 года. Однако в полной мере отмеченный О.С. Поршневой «когнитивный диссонанс» [Поршнева, 2007, 364] смог проявить себя лишь в эти и последующие недели и месяцы, когда солдаты и матросы перестали быть безгласной массой. Их настроения зазвучали в выступлениях и обращениях сослуживцев, тех, кто мог и желал быть услышанным на митингах и со страниц русских социалистических газет в Финляндии.

Благодарность

Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Института языка, литературы и истории Карельского Научного центра РАН, тема «Культурное наследие и исторический опыт Карелии и сопредельных ре-гионов: новые подходы и интерпретации» (№ 124022000029-0)

Acknowledgment

The financial support of the study was provided from the federal budget for the implementation of the state assignment of the Institute of Language, Literature and History of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, the topic “Cultural heritage and historical experience of Karelia and neighboring regions: new approaches and interpretations” (No. 124022000029-0)

Список сокращений

АОУП – Або-Оландская укрепленная позиция
 РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота
 КА – Kansallisarkisto (Национальный Архив Финляндии, коллекция «Русские военные бумаги»)

Библиографический список

1. Аксенов, В.Б. Народная религиозность и образы духовенства в годы Первой мировой войны и революции / В.Б. Аксенов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2019. – Т. 37. – Вып. 1–2. – С. 272–303.
2. Асташов, А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность / А.Б. Асташов. – М.: Новый хронограф, 2014. – 740 с.
3. Булдаков, В.П. (Дискуссия) / В.П. Булдаков // Гражданская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922: Материалы международного colloquium (Санкт-Петербург, 10–13 июня 2019 г.). – СПб.: Нестор-История, 2020. – С. 261–262.
4. Булдаков, В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия / В.П. Булдаков. – М.: РОССПЭН, 1997. – 376 с.
5. Гаврилов, Л.М. Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции / Л.М. Гаврилов. – М.: Наука, 1983. – 222 с.
6. Гельсингфорский приходской листок. – 1917. – № 4. – С. 5–6.
7. Гребенкин, И.Н. Русский солдат в годы Первой мировой войны. Религиозные аспекты мировоззрения и их трансформация / И.Н. Гребенкин // Война и сакральность. Материалы Четвертых междунар. научн. чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии» (Санкт-Петербург – Выборг – Старая Ладога, 1–4 октября 2009 г.). – М.; СПб.: ИВИ РАН, 2010. – С. 180–183.
8. Дубровская, Е.Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914 – 1918) / Е.Ю. Дубровская. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. – 128 с.
9. Известия Совета депутатов АОУП. – 1917. – 24 апреля.
10. Ильин-Женевский, А.Ф. Почему солдаты и матросы стали под знамена Октября. (Письма солдат и матросов в редакции большевистских газет в 1917 г.) / А.Ф. Ильин-Женевский. – Л.: Лен. обл. изд-во, 1933. – 138 с.
11. Казанцев, Д.Л. Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны: 1914–1917 / Д.Л. Казанцев. – М.: Кучково поле, 2016. – 320 с.
12. Кашеваров, А.Н. Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922) / А.Н. Кашеваров. – М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2005. – 443 с.
13. Киуру, М.Х. Боевой резерв революционного Петрограда. Из истории русских большевистских организаций в Финляндии / М.Х. Киуру. – Петрозаводск: Карельск. книжн. изд-во, 1965. – 223 с.
14. Колоницкий, Б.И. Семнадцать очерков по истории российской революции / Б.И. Колоницкий. – СПб.: изд-во ЕУ в Санкт-Петербурге, 2017. – 144 с.
15. Назаренко, К.Б. Балтийский флот в революции. 1917–1918 гг. / К.Б. Назаренко. – М.: Эксмо, 2017. – 448 с.
16. Орловски, Д. (Дискуссия) / Д. Орловски // Гражданская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922: Материалы международного colloquium. – СПб.: Нестор-История, 2020. – С. 256–259.
17. Петраш, В.В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября / В.В. Петраш. – М.-Л.: Наука, 1966. – 267 с.
18. Погребов, С. Жизнь священномученика / С. Погребов // Воспоминание о Гельсингфорсе: Историко-литературный очерк. – Helsinki: LiteraruS, 2011. – С. 94–103.
19. Поршнева, О. С. Проблемы участия России в Первой мировой войне: ментальное измерение / О. С. Поршнева // Опыт мировых войн в истории России. – Челябинск: Каменный пояс, 2007. – С. 358–372.
20. Рогозный, П.Г. Церковная революция 1917 года (высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции) / П.Г. Рогозный. – СПб.: Лики России, 2008. – 224 с.
21. Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 21; Ф. Р-2226. Оп. 2. Д. 199.
22. Фирсов, С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.) / С.Л. Фирсов. – М.: НКПЦ «Духовная библиотека», 2002. – 623 с.
23. Хеллман, Б. Леонид Андреев и революция / Б. Хеллман // Русский листок в Финляндии. – 1987/1988. – № 6/1. – С. 4.

24. Хесин, С.С. Октябрьская революция и флот / С.С. Хесин. – М.: Наука, 1971. – 487 с.
25. Kansallisarkisto. (Коллекция «Русские военные бумаги»). 342: 6. File 2875; File 11970.
26. Luntinen, P. The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918 / P. Luntinen. – Helsinki: SHS, 1997. – 486 p.

Текст поступил в редакцию 30.05.2023.
Принят к печати 24.06.2023.
Опубликован 28.03.2024.

¹ Дела коллекции нередко состоят из разрозненных документов и не имеют общей нумерации листов, как и в случае с письмами в редакцию гельсингфорских «Известий».

² С 22 августа 1917 г. протоиерей Хотовицкий был перемещён по настоянию Преосвященного Тихона (Беллавина), тогда митрополита Московского и Коломенского, на должность ключаря Московского кафедрального собора Христа Спасителя. С этого времени начался путь на Голгофу протоиерея, прославленного в лике новомучеников Финской Православной (1994), а затем и Русской Православной церквями. Как и тысячи других, его жизнь оборвалась в 1937 г. на Бутовском полигоне. Память о. Александра Хотовицкого отмечается 20 августа.

References

1. Aksenov V.B. *Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2019, vol. 37, no. 1-2, pp. 272–303 (in Russian).
2. Astashov A.B. *Russkij front v 1914 – nachale 1917 goda: voennyj opyt i sovremennost'* [Russian front in 1914 – early 1917: military experience and modernity]. Moscow: “Novyj hronograf” Publ., 2014, 740 p. (in Russian).
3. Buldakov V.P. *Grazhdanskaja vojna v Rossii: Zhizn' v jepohu social'nyh jeksperimentov i voennyh ispytanij, 1917–1922: Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma (Sankt-Peterburg, 10–13 ijunja 2019 g.)* [Russian Civil War: Living in an Era of Social Experimentation and Military Trials, 1917–1922. Proc. of the International Symposium (St. Petersburg, June 10–13, 2019)]. St. Petersburg: Nestor-Istorija Publ., 2020, pp. 261–262 (in Russian).
4. Buldakov V.P. *Krasnaja smuta: priroda i posledstvija revoljucionnogo nasilija* [Red Turmoil: Nature and Consequences of Revolutionary Violence]. Moscow: “ROSSPJeN” Publ., 1997, 376 p. (in Russian).
5. Dubrovskaja E.Ju. *Rossijskie voennosluzhashhie i naselenie Finljandii v gody Pervoj mirovoj vojny* [Russian servicemen and the population of Finland during the First World War]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ., 2008, 128 p. (in Russian).
6. Firsov S.L. *Russkaja Cerkov' nakanune peremen (konec 1890-h – 1918 gg.)* [Russian Church on the eve of changes (late 1890s – 1918)]. Moscow: NKPC “Duhovnaja biblioteka” Publ., 2002, 623 p. (in Russian).
7. Gavrilov L.M. *Soldatskie komitety v Oktjabr'skoj revoljucii* [Soldiers' committees in October Revolution]. Moscow: “Nauka” Publ., 1983, 222 p. (in Russian).
8. *Gel'singforskij prihodskoj listok* [Helsingfors parish leaflet]. 1917, no. 4, pp. 5–6 (in Russian).
9. Grebenkin I.N. *Vojna i sakral'nost'. Materialy Chetvertyh mezhdunar. nauchn. chtenij «Mir i vojna: kul'turnye konteksty social'noj agressii» (Sankt-Peterburg – Vyborg – Staraja Ladoga, 1–4 oktjabrja 2009 g.)* [War and Sacredness. Materials of the Fourth International. Scientific readings “Peace and War: Cultural Contexts of Social Aggression” (St. Petersburg – Vyborg – Staraja Ladoga, October 1–4, 2009)]. Moscow, St. Petersburg: Institut Rossijskoj istorii RAN Publ., 2010, pp. 180–183 (in Russian).
10. Hellman B. *Russkij listok v Finljandii* [Russian leaflet in Finland]. 1987/1988, no. 6/1, p. 4 (in Russian).
11. Hesin S.S. *Oktjabr'skaja revoljucija i flot* [October Revolution and Fleet]. Moscow: “Nauka” Publ., 1971, 487 p. (in Russian).
12. Il'in-Zhenevskij A.F. *Pochemu soldaty i matrosy stali pod znamenami Oktjabrja. (Pis'ma soldat i matrosov v redakcii bol'shevistskih gazet v 1917 g.)* [Why soldiers and sailors became under the banners of October. (Letters of soldiers and sailors in the editorial office of Bolshevik newspapers in 1917)]. Leningrad: “Lenoblizdat” Publ., 1933, 138 p. (in Russian).
13. *Izvestija Soveta deputatov AOUP* [News of the Council of Deputies of the Abo-Oland Fortified Position]. 1917, April 24 (in Russian).
14. *Kansallisarkisto* (National Archives of Finland, Russian Military Papers Collection). Fund. 342: 6. File 2875; File 11970 (in Russian).
15. Kashevarov A.N. *Pravoslavnaja Rossijskaja Cerkov' i sovetskoe gosudarstvo (1917–1922)* [Orthodox Russian Church and Soviet state (1917–1922)]. Moscow: “Krutickogo podvor'ja” Publ., 2005, 443 p. (in Russian).
16. Kazancev D.L. *Vospominanija o sluzhbe v Finljandii vo vremena Pervoj mirovoj vojny: 1914–1917* [Memories of service in Finland during World War I: 1914–1917]. Moscow: “Kuchkovo pole” Publ., 2016, 320 p. (in Russian).
17. Kiuru M.H. *Boevoj rezerv revoljucionnogo Petrograda. Iz istorii russkih bol'shevistskih organizacij v Finljandii* [Militant reserve of revolutionary Petrograd. From history of Russian Bolshevik organizations in Finland]. Petrozavodsk: Karelian Publishing House, 1965, 223 p. (in Russian).

18. Kolonickij B.I. *1917: Semnadsat ocherkov po istorii rossiyskoy revolyutsii* [1917: Seventeen essays on the history of the Russian revolution]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg Publ., 2017, 144 p. (in Russian).
19. Luntinen P. *The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918*. Helsinki: SHS Publ., 1997, 486 p.
20. Nazarenko K.B. *Baltijskij flot v revoljucii. 1917–1918 gg.* [The Baltic Fleet in Revolution. 1917–1918]. Moscow: “Eksmo” Publ., 2017, 448 p. (in Russian).
21. Orlovski D. *Grazhdanskaja vojna v Rossii: Zhizn’ v jepohu social’nyh jeksperimentov i voennyh ispytanij, 1917–1922: Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma (Sankt-Peterburg, 10–13 ijunja 2019 g.)* [Russian Civil War: Living in an Era of Social Experimentation and Military Trials, 1917–1922. Proc. of the International Symposium (St. Petersburg, June 10–13, 2019)]. St. Petersburg: Nestor-Istorija Publ., 2020, pp. 256–259 (in Russian).
22. Petrash V.V. *Morjaki Baltijskogo flota v bor’be za pobedu Oktjabrja* [Sailors of the Baltic Fleet in struggle for October’s Victory]. Moscow, Leningrad: “Nauka” Publ., 1966, 267 p. (in Russian).
23. Pogrebov S. *Vospominanie o Gel’singforsе: Istoriko-literaturnyj ocherk* [Memory of Helsingfors: Historical and literary essay]. Helsinki: “LiteraruS” Publ., 2011, pp. 94–103 (in Russian).
24. Porshneva O.S. *Opyt mirovyh vojn v istorii Rossii* [Experience of world wars in the history of Russia]. Cheljabinsk: “Kamennyj pojas” Publ., 2007, pp. 358–372 (in Russian).
25. Rogoznyj P.G. *Cerkovnaja revoljucija 1917 goda (vysshee duhovenstvo Rossijskoj Cerkvi v bor’be za vlast’ v eparhijah posle Fevral’skoj revoljucii)* [Church Revolution of 1917 (higher clergy of the Russian Church in the struggle for power in dioceses after the February Revolution)]. St. Petersburg: “Liki Rossii” Publ., 2008, 224 p. (in Russian).
26. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Voенno-morskogo flota* [Russian State Archives of the Navy]. Fund P-315. Inventory 1. File 21; Fund P-2226. Inventory 2. File 199 (in Russian).

Submitted for publication: May 30, 2023.

Accepted for publication: June 24, 2023.

Published: March 28, 2024.